

Кудьтура. - 2004. - 11-17 марта. - с. 14

Я ее никогда не забуду!

К 100-летию со дня рождения Марины Ладыниной

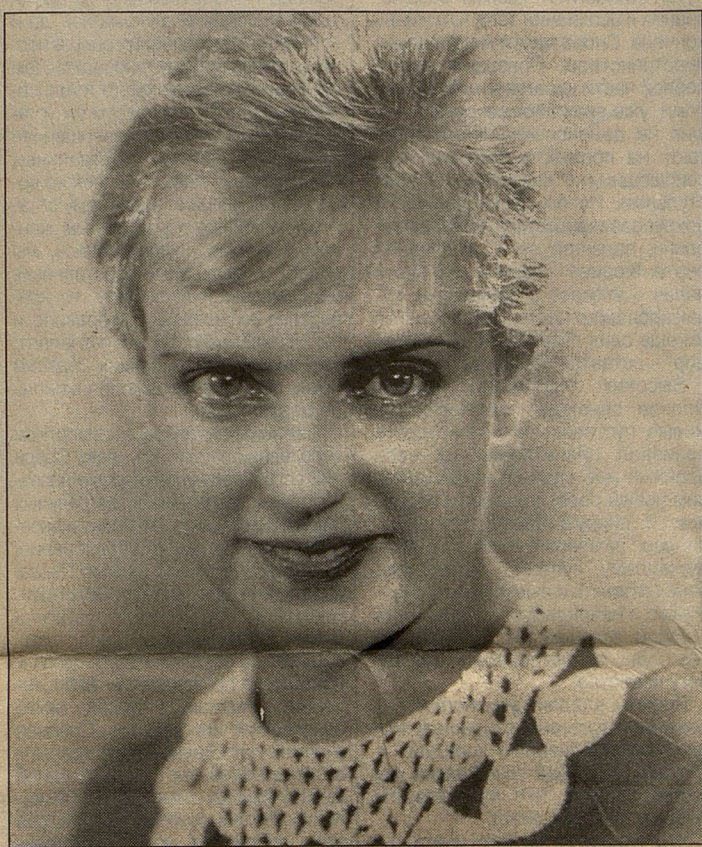
С Мариной Алексеевной Ладыниной я познакомился на "Мосфильме", когда Иван Пырьев приступил к съемкам фильма "Свинарка и пастух". Первая наша встреча произошла в комнате, где композиторы обычно показывали режиссерам музыкальные куски к картинам. Мы собрались там, чтобы установить тональность Марины Алексеевны и мою.

За огромным черным роялем сидел композитор Тихон Хренников и, сопровождая себя, очень эмоционально и заразительно пел "Песню о Москве". Мы внимательно слушали. Перед встречей с Пырьевым я волновался: такой выдающийся режиссер и к тому же, как мне говорили, очень темпераментный и даже грубоватый. Но еще большее волнение я испытал от присутствия рядом той, которую до этого видел только на экране. Очень красивая женщина, огромные голубые глаза, белокурые волосы. Обаяние было просто необыкновенное, она сразу привлекала к себе внимание. Я онемел, не мог проронить ни слова, поскольку впервые оказался в такой обстановке, рядом с такой знаменитой актрисой. Меня вводили в волшебный мир кино, и я жадно наблюдал за всем происходящим. Особенно за Мариной Алексеевной. Мне она показалась человеком удивительно скромным, с достоинством и очень сосредоточенным внутренним миром. Она могла быть активной, обращаясь к режиссеру, композитору, но при этом оставалась углубленной в себя.

Позднее, когда я узнал ее ближе, убедился в правильности первого впечатления. Она не растрчивала себя по пустякам. За кулисами, в перерывах между съемками подчас возникают самые разные бытовые разговоры вплоть до того, где и что можно купить, достать (особенно раньше, когда с этим было сложно). Марина была от этого, как я наблюдал, очень далека. Возможно, это частично говорило о ее колоссальной собранности, о полном погружении в роль, в сцену, которую предстояло сыграть. Она поражала не спокойствием, а внутренним покоем. В ней не было мельтешения.

Во время съемок "Свинарки и пастуха" мы с Мариной общались только по ходу сцены, хотя, признаюсь, мне иногда хотелось узнать от нее некоторые профессиональные секреты. Не хватало смелости, не хотел надоедать ей вопросами. После некоторых сцен Марина уходила отдыхать, потому что в картине было много физических действий, довольно сложные сцены с поросятами...

На площадку Ладынина и Пырьев всегда приезжали вместе и уезжали с нее тоже вместе. Это была пара влюбленных, уважающих друг друга людей. Характеры у них были очень разные, но им было уютно вдвоем. Марина была как сурдинка, которую иногда одевают на скрипку, чтобы был мягче звук. Иван Александрович - открытый звук, а Марина своим присутствием смягчала резкие черты его взрывного темперамента. Во время работы между ними не было никакого сюсюканья. В особом положении перед другими он ее не ставил. Иногда был к ней подчерк-

нуто внимателен, как к актрисе, которой предстоит сыграть важную сцену: "Здесь вот встаньте. Так!" Но мог и повысить голос. Марина пропускала это мимо ушей, она слушала сущность его замечаний, в споры не вступала, берегла силы для игры. Если между ними возникало непонимание, Марина могла переспросить: "...подробнее объясните". Даже когда я не был занят в съемках, с удовольствием приходил и смотрел, как она работает перед камерой, как расчерчивается пол, куда она может сделать шаг...

Как партнер Марина вела себя безукоризненно, в высшей степени достойно. Несмотря на то что она была уже опытным мастером, а я только дебютировал в кино, мне было с ней очень комфортно на площадке.

Мы, несомненно, подходили друг другу как актеры романтического плана. Но что-то нас еще внутренне объединяло. Какая-то тональность была одинаковой. Тональность не только музыкальная, но и, безусловно, восприятия мира. Мы были с ней "одной крови".

Уже несколько месяцев на сцене Театра Российской армии я репетировал роль Дон Кихота в спектакле "Человек из Ла Манчи". Я этой ролью увлечен...

Дон Кихот, князь Мышкин - люди, у которых свое, отличное от большинства восприятие мира. Они, в сущности, борются за правду и поэтому получают шишки. Одна из реплик моего героя звучит так: "Я видел жизнь, какая она есть..." И Марина мне однажды сказала: "Если бы люди были добрее друг к другу, какой прекрасной могла бы быть жизнь..." Мир кино очень жесток, редко можно встретить искренние, дружелюбные от-

ношения. А для Марины, например, если ей нравилась работа коллеги, не существовало преграды (в том числе и явная неприязнь к ней), чтобы выразить свое восхищение. В своем романтическом восприятии мира Марина была, как Дон Кихот, белой вороной. Про таких говорят: "Не от мира сего". Но благодаря таким людям мир не гибнет из-за потрясений и катаклизмов, они дают духовную опору.

Дон Кихот - фантазер, он верит, что способен изменить мир: "Мечта - надежда разума. Это безумие отказываться от нее. Еще большее безумие видеть мир, какой он есть, и не замечать, какой он должен быть". И он поет: "Мечтать - пусть обманет мечта. Борьбись, когда побежден. Любить - пусть обманет любовь. Когда опускаются руки, тянись к далекой звезде..." Одно из любимых стихотворений Марины заканчивалось словами: "... Я в трауре смеюсь, я в праздники рыдаю. И сладость нахожу во вкусе горьких вин. Считаю звезды в тьме, я попадаю в ров. Но голос шепчет мне: храни мечты, безумный. Не знают умники таких прекрасных снов". Недаром она так любила поэзию. В том жестоком мире, который ее окружал, у нее был свой, в который она уходила. И этим, может быть, защищала себя.

Как она пережила разрыв с Пырьевым? Знает один Бог!

Марина - любимая народом, известнейшая актриса, за плечами большая личная и творческая биография с этим человеком. И вдруг! Что значит это "вдруг" в окружении людей, которые любят врываться в чужую личную жизнь, может знать только тот, кто сам испытал нечто подобное. Какое мужество понадобилось этой хрупкой женщине, чтобы пережить пересуды,

Слева: М.Ладынина. Начало 1930-х гг. Справа: кадр из фильма "Свинарка и пастух"

злорадства, скрытые и явные унижения...

Я не понимал, как это могло произойти с Мариной Алексеевной. Я общался с ней, но никогда не спрашивал почему. И она не говорила, не жаловалась. И ни разу ни одного плохого слова о Пырьеве не сказала. Я думал: "Ну где-то Марина пройдет: 'Как он мог! Негодяй!' Ни единого слова. Удивительно. Думаю, она продолжала его любить. Она не показывала вида, но, безусловно, у нее остался огромный рубец на сердце.

Большинство было на стороне Марины Алексеевны ("Это нужно было как-то по-другому делать, не тянуть ее в эту яму. Существуют же определенные человеческие нормы, долги"). Кроме тех, кто завидовал ее успеху, артистической карьере, кто всегда считал: "А что это за актриса - ее Пырьев сделал". Ничего подобного! Так говорили завистники, которые случайно, интригами попали в нашу профессию, которые всегда существуют в жизни.

Марина не вступала в навязываемые конфликты, была выше этого. Она оставалась светлым и чистым человеком и ничем себя не запятнала в сложнейших жизненных коллизиях. Ни одного пятнышка на ней нет! Как ей это удалось, пройдя через всякие тернии? Поэтому я и говорю, что она была белой вороной, Дон Кихотом. Завистники чувствовали в ней недостижимую нравственную чистоту и ненавидели еще больше. Но эта особенность сделала ее и великой актрисой, и великим человеком. Актёрская профессия зависит от многих обстоятельств: от режиссера, от дирекции, от коллег - от чего угодно. С актером можно не посчитаться, оскорбить, бестактно поступить. Тому есть много примеров. Но мне

кажется, Марина Алексеевна сумела в этой зависимой профессии остаться независимой. Так она сумела себя поставить в силу своего ума, может быть, даже какой-то интуитивной внутренней мудрости.

Я не назвал бы ее открытым человеком. Марина не подпускала к себе близко, к ней нельзя было пристроиться так быстро, как некоторым бы хотелось. Никогда не видел, чтобы она с кем-то обнималась, болтала "ля-ля-ля, хи-хи-хи". Даже в застолье. Не позволяла амикушности в общении с собой - и в этом тоже была непохожа на других.

Такое жизненное призвание, такой успех (просто не знаю, с чем его сравнить), ведь этому нужно достойно отвечать, суметь сохранить себя и не возмнить. Она всегда контролировала себя, соблюдала чувство меры как в искусстве, так и в жизни. Ее уникальный внутренний мир помог ей пережить все ниспосланные судьбой испытания и сохранить человеческую цельность и непосредственное восприятие жизни.

Однажды Марина сказала: "Володя, звони чаще. Ты у меня остался один". Эти слова тогда очень тронули, взволновали, перед глазами прошла вся прожитая жизнь. Я с грустью подумал: "Как много времени было потеряно, как мы мало общались". Но несмотря на то что мы редко виделись и не так часто говорили по телефону, обретенная духовная связь между нами не прерывалась. Когда я рассказывал, что играю спектакли, участвую в концертах, Марина все это примеряла на себя, и ей тоже хотелось выйти на сцену. Мечта работать, выступать не покидала ее даже в последние годы. "Володя, как бы нам что-нибудь вместе сделать, по-

участвовать в каком-нибудь спектакле". У меня было опасение, что для нее это будет физически трудновато, хотя я отлично знал: ей достаточно было выйти на сцену, и зал сходил с ума.

Удивительное лицо. А какая яркая у нее была речь, какая свежая мысль, как красив голос! Прекрасная память - она ничего не забывала. У Марины была мхатовская школа, и это чувствовалось. Обычно в концертах мы с ней играли небольшую сцену из "Свинарки и пастуха". Диалог переходил в "Песню о Москве". Сколько раз после таких выступлений, проходящих с большим успехом, я слышал от нее: "Я счастлива!"

Слава Богу, что рядом с Мариной была ее племянница Ирочка, человек необыкновенно преданный и самоотверженный. Она стала ее настоящим другом. С ней Марина делилась всеми болями и переживаниями и перестала чувствовать свое одиночество.

Незадолго до несчастного случая с Мариной я приезжал к ней домой, мы репетировали номер для концерта... Когда узнал, что ее не стало, был потрясен, не мог поверить. Для меня уход Марины из жизни казался каким-то неестественным. Мне Марину очень жалко, то есть жалко просто... Все последние годы меня согревала мысль, что есть на Котельнической Мариночка. Это все время сидело у меня в сознании. Так она была нужна... Так ее не хватает... Звонков этих не хватает...

Я ее никогда не забуду. Свою новую работу в театре, роль Дон Кихота, я посвящаю ей.

Материал подготовила
Марина ВОЛКОВА

Марина Алексеевна Ладынина (к 100-летию рождения)

17.03.04